

**Профессоръ
Маркеллинъ Алексѣевичъ Олесницкій
(† 12 марта 1905 г.).**

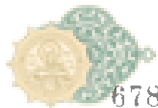
12 марта 1905 года, вечеромъ, скоропостижно скончался въ своемъ рабочемъ кабинетѣ экстра-ординарный профессоръ Кіевской духовной Академіи по кафедрѣ психологіи, докторъ богословія, Маркеллинъ Алексѣевичъ Олесницкій.

Сынъ протоіерея Волынской епархіи, родной братъ знаменитаго библіолога, гебраиста и археолога, бывшаго профессора Кіевской же Академіи Акіма Алексѣевича Олесницкаго, почившій профессоръ родился въ 1848 г., обучался послѣдовательно въ дух. училищѣ, Волынской дух. семинаріи (1863—1869 гг.) и Кіевской дух. Академіи (1869—1873 гг.), въ которой окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія. На третьемъ курсѣ имъ написана кандидатская диссертация *о книгѣ Іова*, удостоенная Совѣтомъ Академіи Іосифовской преміи, а къ концу четвертаго курса (11 мая 1873 г.) трудолюбивый студентъ уже изготовилъ магистерскую диссертацию на новую тему—*о книгѣ „Екклесіастъ“*. Диссертация была признана рецензентами († ректоръ и орд. проф. Академіи, архимандритъ Филаретъ и † проф. С. М. Сольскій) достойной искомой степени, и авторъ, послѣ публичной защиты своего сочиненія (24 февр. 1874 г.) Совѣтомъ Академіи удостоенъ степени магистра богословія, въ каковой и утвержденъ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ 6-го марта 1874 года. По
Труды Кіевск. дух. Акад. Т. I. 1905 г.

окончаніи академическаго курса Маркеллинъ Алексѣевичъ былъ опредѣленъ преподавателемъ Св. Писанія въ родную семинарію, но уже 10-го ноября уволенъ отъ службы въ семинаріи за состоявшимся избраніемъ его для замѣщенія каѳедры нравственнаго богословія и педагогики въ Академіи, освободившейся вслѣдствіе кончины проф. Зайцева. Съ 11-го ноября 1873 г. и до самой кончины Маркеллинъ Алексѣевичъ состоялъ на службѣ въ Академіи, сначала въ званіи исправляющаго должность доцента (до утвержденія въ магистерской степени), потомъ доцента (1874—1883 гг.) и, наконецъ, экстра-ординарнаго профессора (съ 1883 г. и до кончины). Въ свое время (31 декабря 1898 г.) покойный былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго экстра-ординарнаго профессора. До преобразованія Академіи по уставу 1884 г. покойный профессоръ читалъ лекціи по нравственному богословію и педагогикѣ, а по преобразованіи Академіи лишь по первой изъ этихъ наукъ, потому что вторая отошла къ другой каѳедрѣ. Въ 1895 году по собственному, вынужденному, впрочемъ—желанію Маркеллинъ Алексѣевичъ перемѣщенъ на каѳедру психологіи, освободившуюся за выходомъ въ отставку частитаго профессора † Д. В. Посиѣхова. Каѳедру психологіи Маркеллинъ Алексѣевичъ занималъ до самой смерти. Кроме того, Маркеллинъ Алексѣевичъ занимался нѣкоторое время, въ педагогическомъ интересѣ, преподаваніемъ педагогики въ одной изъ женскихъ гимназій (см. „Нѣсколько предварит. словъ“ къ его „Курсу педагогики“, стр. 3).

Къ тому времени, когда пишущему эти строки пришлось узнать почившаго профессора, онъ уже жилъ совершеннымъ отшельникомъ въ своемъ собственномъ домѣ, парадныя двери котораго впервые были отбиты для того, чтобы вынести гробъ съ останками почившаго. Онъ чаще бесѣдовалъ съ книгами, нежели съ людьми. Впрочемъ, сверстники Маркеллина Алексѣевича вспоминаютъ, что въ молодые годы онъ былъ гораздо общительнѣе и живѣе: не уклоняясь отъ товарищескихъ

собраній, охотно принимая участіе въ молодыхъ играхъ, онъ открывалъ тогда двери своей квартиры для добрыхъ знакомыхъ. Если, кромѣ того, принять во вниманіе свойственныя покойному мягкость и доброжелательность, то можно, кажется, заключить, что его замкнутость зависѣла не только (а можетъ быть, и не столько) отъ природныхъ особенностей его личности, но и отъ обстоятельствъ его жизни, которые складывались далеко не всегда благопріятно для почившаго: онъ не принадлежалъ къ числу удачниковъ. Не имѣлъ онъ удачи ни въ устроеніи личной жизни, ни въ своей профессорской и научно-литературной дѣятельности. Выработанная имъ программа чтеній по нравственному богословію далеко не всегда встрѣчала одобреніе со стороны ближайшаго академическаго начальства, которое опасалось излишней идейной зависимости Маркеллина Алексѣевича отъ протестантскихъ богослововъ; его актовая рѣчь (о нравственномъ прогрессѣ) могла появиться въ печати только съ значительными измѣненіями и сокращеніями, а при покойномъ митрополитѣ Іоанникіи, который рѣшительно не мирился съ тою постановкой нравственнаго богословія, какую далъ этой наукѣ Маркеллинъ Алексѣевичъ Олесницькій, послѣдній рѣшился перейти съ любимой кафедры нравственнаго богословія на кафедру психологіи, которую раньше основательно изучалъ въ связи съ преподаваніемъ педагогики. Въмѣстѣ съ оставленіемъ кафедры нравственнаго богословія начались невзгоды, связанныя съ соисканіемъ степени доктора богословія: Маркеллинъ Алексѣевичъ потерпѣлъ крушеніе въ двухъ Академіяхъ—Кіевской и Московской, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Совѣтъ Петербургской Академіи удостоилъ докторской степени неутомимаго труженика, чему много содѣйствовалъ своей энергіей и доброжелательной настойчивостью профессоръ Спб. Академіи Н. Н. Глубоковскій, которому, главнымъ образомъ, принадлежитъ и вчиненіе, и веденіе дѣла по присужденію Маркеллину Алексѣвичу докторской степени... Не мудрено, что

при такихъ невзгодахъ росли замкнутость и отчужденность покойнаго Маркеллина Алексѣевича, но за то тѣмъ рельефнѣе выступали другія черты его высокаго характера: миролюбіе и доброжелательность—съ одной стороны, неподкупная честность и благородная независимость—съ другой. Покойный профессоръ говорилъ мало, но когда говорилъ, то говорилъ только одну правду: никто никогда не слыхалъ отъ него льстиваго слова, и только одинъ разъ онъ заговорилъ (въ печати) не свойственнымъ ему языкомъ раздражительной критики... Вообще же онъ умѣлъ поддерживать миролюбивыя отношенія и съ тѣми, отъ кого, по служебному положенію, ему приходилось испытывать не легкое давленіе, высокая и далеко не часто встрѣчающаяся черта характера! Въ отношеніяхъ къ ученикамъ и товарищамъ онъ былъ сдержанъ, но неизмѣнно доброжелателенъ. Порою прорывались при ближайшемъ общеніи съ почившимъ и такія черты характера, которыя, казалось, давно уже отъ него отлетѣли: это, напр., свѣтлый, добродушный, неудержимый смѣхъ. И не могу не вспомнить словъ Шекспира: „кто хорошо смѣется, тотъ хорошій человѣкъ“. Несомнѣнно, Маркеллинъ Алексѣевичъ былъ хорошимъ человѣкомъ... Чтобы довершить образъ почившаго профессора, упомяну и про его внушительную наружность, которая при первой встрѣчѣ съ нимъ производила на его учениковъ импонирующее впечатлѣніе. На этомъ закончу бытлую характеристику своего покойнаго учителя, какъ *человѣка*. Восполненіе этой характеристики читатель найдетъ въ печатающихся вслѣдъ за некрологомъ надгробныхъ рѣчахъ.

Маркеллинъ Алексѣевичъ былъ въ высшей степени добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ *профессоромъ*. Работалъ онъ не покладая рукъ, и главнымъ образомъ—для кафедры. Онъ внимательно слѣдилъ за литературой преподававшихся имъ наукъ, и никогда не останавливался въ ихъ разработкѣ. Судя

но сохранившимся въ академическомъ архивѣ программамъ его чтеній за разные годы, онъ начиналъ изученіе и преподаваніе предмета съ его *исторіи* ¹⁾, а потомъ переходилъ къ выработкѣ *системы* той или другой науки. Завершеніемъ работы являлся обыкновенно печатный курсъ этой науки: такъ было съ нравственнымъ богословіемъ, такъ было и съ педагогикой, и не прерви смерть работы неутомимаго профессора—мы, надо думать, имѣли бы въ печати и составленный имъ курсъ психологій. Едва ли нужно прибавлять, что такой ходъ въ изученіи той или другой науки слѣдуетъ признать самымъ правильнымъ, а потому и достойнымъ всякаго подражанія со стороны академическихъ профессоровъ.

Въ первый годъ своей преподавательской дѣятельности въ Академіи Маркеллинъ Алексѣевичъ читалъ студентамъ *исторію* нравственности и нравственныхъ ученій, начиная съ нравственности восточныхъ народовъ и кончая ученіемъ о нравственности Гегеля и его школы (этотъ курсъ, очевидно, и послужилъ первоначальнымъ ядромъ для капитальнаго сочиненія „Исторія нравственности и нравств. ученій“); въ составъ курса входило, между прочимъ, изложеніе ученія о нравственности еврейскаго народа, новозавѣтныхъ книгъ и христіанской церкви. Но уже со второго года Маркеллинъ Алексѣевичъ началъ излагать *систему* христіанскаго ученія о нравственности. Планъ системы таковъ. Помимо введенія, въ которомъ выясняются *понятія о нравственности* вообще

¹⁾ „Кто въ наше время хочетъ самъ создать что-либо капитальное,—писалъ Маркеллинъ Алексѣевичъ въ предисловіи ко 2-й части „Исторіи нравственности“,—тотъ долженъ сначала тщательно ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлали до него другіе, и въ какомъ положеніи находится предметъ его изслѣдованія во всѣ прежніе вѣка“.

(автономической и теопомической) и христіанской въ частности, *отношеніе* между нравственностью и религіей, христіанской нравственностью и новѣйшею гуманностью, этикой и догматикой (кригика Нитше, Сарторія, Роте), нравственнымъ богословіемъ и нравственной философіей, *методы* изложенія ученія о нравственности, а также излагается *исторія* науки (періодъ отцовъ церкви, средній вѣкъ, новое время) и ея *раздѣленіе*, система дѣлится на двѣ главныя части: первая трактуетъ объ *основахъ* нравственности, вторая—о *формахъ* нравственной жизнедѣятельности. Въ свою очередь, первая часть подраздѣляется на два отдѣла: первый отдѣлъ—нравственная антропология—трактуетъ о человѣкѣ, какъ нравственномъ существѣ вообще (анализъ *духа* человѣческаго: индивидуальное самосознаніе, свобода, безконечная усовершенность и безсмертіе человѣческаго духа; взглядъ, съ нравственной точки зрѣнія, на *физическую* природу человѣка; *человѣкъ въ единствѣ двухъ природъ* своего существа—духовной и тѣлесной: возрасты, темпераменты, помы, народности) и какъ о существѣ нравственно павшемъ (понятіе о грѣхѣ, происхожденіе грѣха, корень грѣха—эгоизмъ, виды грѣха, порочныя состоянія); второй отдѣлъ—нравственная теология и сотерология—трактуетъ о *Богѣ*, какъ объективномъ основаніи и первообразѣ нравственности (1, Богъ, какъ вѣчный источникъ и носитель нравственной идеи, какъ святая воля; 2, Богъ, какъ святой законодатель: виды откровенія людямъ божественнаго закона, откровеніе сверхъестественное и естественное,—совѣсть, какъ носительница естественнаго откровенія воли Божіей; существо нравственнаго закона, какъ выраженія божественной воли: объемъ нравственнаго закона, его форма—императивъ—и отношеніе къ индивидуальнымъ особенностямъ человѣка; 3, Богъ, какъ правитель нравственнаго міропорядка), и о *Христѣ* Спасителѣ, какъ основаніи и идеалѣ христіанской нравственности (Христосъ долженъ

быть названъ основаніемъ христіанской нравственности по своей личности, представляющей высшій образецъ нравственности, по сообщенію вѣрующимъ въ Него благодати Св. Духа и по высшему откровенію божественной воли. Заключеніемъ отдѣла является ученіе о любви къ Спасителю и Богу, какъ верховномъ началѣ нравственности и основномъ, высочайшемъ мотивѣ нравственной жизни и дѣятельности. Вторая часть также подраздѣляется на два отдѣла; первый отдѣлъ трактуетъ о формахъ нравственной жизнедѣятельности независимо отъ различія объективъ нравственной жизнедѣятельности (усвоеніе субъектомъ объекта нравственной дѣятельности, образовательное вліяніе субъекта на объектъ, охранительное отношеніе субъекта къ объекту), а второй—о формахъ нравственной жизнедѣятельности въ отношеніи къ различнымъ объектамъ—къ Богу (вѣра, богопознаніе, богопочитаніе,—молитва и жертва, какъ выраженіе богопочитанія), къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ физической природѣ; заключеніемъ отдѣла, равно какъ и всей системы, служить трактатъ о нравственной дѣятельности христіанина, какъ члена общества (дѣятельность христіанина въ семействѣ, государствѣ и церкви; отношеніе православнаго къ иностранцамъ и невѣрующимъ; вѣротерпимость и ея характеръ). Судя по программѣ, положительное изложеніе христіанской этики сопровождалось у Маркеллина Алексѣевича подробнымъ критическимъ разборомъ воззрѣній западныхъ философовъ и моралистовъ (Лейбница, Канта, Фихте, Шлейермахера, Роте и многихъ другихъ).

Обозначенная въ общихъ чертахъ программа послужила лишь исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей непрерывной работы надъ установленіемъ системы христіанской этики. Было бы интересно и поучительно прослѣдить за всѣми стадіями этой работы, но, не имѣя возможности сдѣлать этого въ некрологическомъ очеркѣ, остановимся лишь на двухъ

изъ нихъ¹⁾. Если въ программѣ 18⁷⁴/₇₅ ак. года высочайшее благо опредѣляется, какъ „царство цѣлей“ (въ духѣ Канта), что въ программѣ 18⁸⁹/₉₀ ак. г. царство цѣлей замѣняется царствомъ Божиимъ, при чемъ идея царства Божія разсматривается, какъ основная и руководящая идея системы. Система по прежнему раздѣляется на двѣ части, но содержаніе первой части формулируется иначе, чѣмъ раньше: „существо нравственности и нравственного процесса,—элементы первой и моменты послѣдняго“. Содержаніе первой части распределено по пяти главамъ: 1) о свободѣ человѣческой воли и вѣроятности человѣческихъ дѣйствій; 2) о нравственномъ законѣ (свойства и виды нравственного закона; совѣсть; законъ ветхозавѣтный; законъ евангельскій; номизмъ и антиномизмъ; вопросъ о такъ называемыхъ адіафорахъ и о позволенномъ; нравственная аккомодация; долгъ и сверхдолжныя дѣла; единство закона и множество обязанностей; коллизіи обязанностей; авторитетъ и свобода въ развитіи человѣческаго общества), 3) о любви, какъ реальномъ началѣ нравственности (глава предваряется критическимъ разборомъ эвдемонизма, утилитаризма и сенсуализма, а также—Кантовскаго морализма, этеронимизма и абсолютизма, заключается—разсмотрѣніемъ ученія Спинозы о любви къ Богу); 4) о нравственномъ злѣ, или грѣхѣ; 5) о нравственной жизни, обновленной искупленіемъ (Исусъ Христосъ, какъ образецъ нравственности; послѣдованіе Христу: пробужденіе къ нравственной жизни, обращеніе, покаяніе и вѣра; степени нравственного совершенствованія; христіанская аскетика). Изъ второй части системы исчезаетъ ученіе о нравственномъ усвоеніи,

¹⁾ Считаю нужнымъ отмѣтить хотя главныя стадии въ работѣ Маркеліана Алексѣевича надъ установленіемъ *плана* христіанской этики, потому что и самъ покойный, и его товарищъ по кафедрѣ, проф. А. А. Бронзовъ, придають особенное значеніе этой сторонѣ дѣла (см. М. А. Олесницкаго „Изъ системы христ. правоученія“, стр. 4, примѣч., а также рецензію проф. Бронзова на это сочиненіе въ „Журн. Сиб. дух. Акад.“ за 190⁴/₅ ак. г., особ. стр. 45—46, 64).

образованіи и охраненіи. Теперь первый отдѣлъ второй части трактуетъ о нравственныхъ отношеніяхъ христіанина къ самому себѣ (долгъ самопознанія, долгъ самосохраненія и долгъ самообразованія), къ ближнимъ, къ Богу и къ безличной природѣ (это—„индивидуально - спеціальная часть“ системы), а второй—о нравственныхъ отношеніяхъ христіанина въ семействѣ, государствѣ и церкви („соціально-спеціальная часть“). Къ главѣ о государствѣ примыкаетъ трактатъ о международныхъ отношеніяхъ, о культурѣ и цивилизаціи, о наукѣ и искусствѣ, какъ средствахъ гуманнаго образованія народа. Заключение системы обнимаетъ собою слѣдующіе пункты: довершеніе и восполненіе царства Божія; великое отпаденіе и антихристъ; ожиданіе дня пришествія Христова для откровенія Царства Божія въ его совершенствѣ и славѣ. Такимъ образомъ конецъ системы сопрягается съ началомъ посредствомъ идеи царства Божія.

Программа 1894½ ак. года, (напомнимъ, что въ концѣ 1895 года Маркеллингъ Алексѣевичъ покинулъ кафедру нравственнаго богословія) ближе всего подходитъ къ тому плану, по которому написано вышедшее въ 1896 году сочиненіе покойнаго моралиста „Изъ системы христіанскаго нравовученія“, хотя совпадаетъ съ нимъ далеко не во всѣхъ пунктахъ. По программѣ первая часть системы распадается на пять главъ. Первая глава трактуетъ о нравственной природѣ челоуѣка; помимо ученія о трехъ сторонахъ челоуѣческой личности, какъ нравственнаго существа (низшая чувственная сторона,— свобода, какъ „дверь, вводящая въ нравств. міропорядокъ, и какъ звено, соединяющее первую, низшую, и послѣднюю, высшую, сторону челоуѣческой личности“, — высшая жизнь духа, или жизнь по разуму), сюда входятъ параграфы о совѣсти, какъ „судящей силѣ блага въ челоуѣкѣ“, и о характерѣ, какъ завершеніи личной природы челоуѣка (въ раннѣйшихъ программахъ о совѣсти трактовалось въ главѣ о нравственномъ законѣ, а въ сочиненіи „Изъ сп-

стемы“ трактатъ о совѣсти составляетъ особую главу, при-
 мыкающую къ главѣ о сущности нравственности). Во вто-
 рой главѣ выясняется содержаніе христіанскаго блага, или,
 что то же, существо нравственности. Содержаніе главъ рас-
 крывается въ слѣдующихъ параграфахъ: отношеніе нравствен-
 ности къ религіи; несостоятельность нравственности, незави-
 симой отъ религіи, или, такъ называемой, автономіи; отношеніе
 между личнымъ настроеніемъ челоѣка, или нравственною
 субстанціей его, и областью дѣйствій и обнаруженій челоѣ-
 ческихъ, - гдѣ лежитъ центръ тяжести нравственности и
 нравственнаго блага? отношеніе между индивидуальною и
 соціальною стороною челоѣческой жизни,-- гдѣ главнымъ
 образомъ лежитъ область нравственности и нравственнаго
 блага? а) Христіанское благо, или христіанская нравствен-
 ность, подъ точкою зрѣнія *единичной личности*: централь-
 ное понятіе здѣсь—понятіе богосыновства; любовь къ небес-
 ному Отцу; Св. Духъ, какъ источникъ и движущая сила
 святой любви къ Богу; отсюда—нравственный принципъ
 христіанства въ Св. Духѣ, какъ внутреннемъ принципѣ
 богосыновства, и христіанское благо совпадаетъ, съ личной
 или индивидуальной стороны, съ проникнутымъ Св. Духомъ
 и освященнымъ и управляемымъ Имъ челоѣкомъ (*ἄνθρωπος
 πνευματικός*; Римл. 8; 1 Кор. 15, 45 и д.); отношеніе вліяній
 Св. Духа къ естественнымъ силамъ челоѣка. б) Христіан-
 ское благо, или христіанская нравственность, подъ точкою
 зрѣнія *общества*: существенная связь съ любовью къ Богу
 любви къ ближнимъ; совмѣщеніе въ предоставленной Богомъ
 челоѣку цѣли личной нравственности съ образованіемъ со-
 вершеннаго общества людей; обусловленность и зависимость
 отъ существованія и жизни общества личнаго существованія
 и нравственнаго совершенствованія челоѣка. Глава третья
 трактуетъ о грѣхѣ, четвертая о возстановленіи испорченной
 грѣхомъ нравственной жизни челоѣчества (сюда входитъ
 матеріалъ, размѣщенный въ сочиненіи „Изъ системы“ въ

главахъ объ объективной и субъективной сторонѣ спасенія), пятая—о добродѣтели и о долгѣ. Вторая часть и по содержанію, и по формулировкѣ отдѣльныхъ пунктовъ гораздо ближе къ плану сочиненія „Изъ системы христіанскаго нравовученія“. Слѣдуетъ прибавить, что ни въ программѣ, ни въ сочиненіи идея царства Божія не полагается въ основу изложенія, какъ это было въ программѣ 18⁸⁹/90 г., хотя и не оставляется совсѣмъ безъ вниманія (см. прогр., ч. I, гл. 2).

Изъ сопоставленія программы 1894/5 г. съ планомъ только-что указаннаго сочиненія можно заключить, что печатное сочиненіе не представляетъ собою простаго воспроизведенія курса, читаннаго покойнымъ профессоромъ съ академической кафедрѣ. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Разницу между курсомъ и сочиненіемъ со стороны *плана* мы уже видѣли. Отличаются они, кромѣ того, по *содержанію* и *формѣ изложенія*. Въ сочиненіи мы находимъ главнымъ образомъ положительное раскрытіе предмета, и только опытный глазъ специалиста можетъ подмѣтить за изложеніемъ Маркеллина Алексѣевича и его „замѣчательную начитанность“, и „всестороннее знакомство съ разнообразными теченіями въ области христіанской этики и этики вообще“ (см. въ „Журналѣ Совѣта Спб. Дух. Акад.“ за 1904/5 г. официальный отзывъ проф. А. А. Бронзова о сочиненіи Маркеллина Алексѣевича „Изъ системы“...); между тѣмъ въ лекціяхъ, не повторяя матеріала, заключающагося въ семинарскихъ учебникахъ по нравственному богословію, покойный профессоръ подвергалъ подробному критическому разбору воззрѣнія выдающихся моралистовъ, по преимуществу западныхъ. И если печатное сочиненіе написано довольно отрывочнымъ и —при всей его своеобразности, переходящей порою въ нарушеніе установившагося у насъ строя рѣчи¹⁾),—легкимъ языкомъ, то лекціи излагались рѣчью пері-

¹⁾ Своеобразие сказывалось и въ орфографіи покойнаго профессора (онъ писалъ обыкновенно „туды“, „суды“), и въ выборѣ орудій для письма (онъ писалъ всегда гусинымъ перомъ).

одической, даже тяжеловѣсной, которая требовала для своего усвоенія большого напряженія вниманія (имѣю въ виду курсъ, прослушанный мною въ теченіе двухъ лѣтъ—въ 1890¹/₁ и 1891¹/₂ акад. гг.). Вообще, по характеру изложенія ближе къ лекціямъ стоитъ первый томъ „Исторія нравственности“, нежели сочиненіе „Изъ системы“... Хотя послѣднее и представлено было покойнымъ профессоромъ на степень доктора богословія (и удостоено этой степени,—смѣемъ думать, „достойно и праведно“), тѣмъ не менѣе оно представляетъ собою лишь промежуточную ступень между популярнымъ изложеніемъ христіанскаго нравоученія, представленнымъ Маркеллиномъ Алексѣевичемъ въ его учебникѣ по нравственному богословію, и задуманной имъ строго-научной системой христіанскаго нравоученія, которая, несомнѣнно, и подготовлялась неустанною работою надъ систематизаціей, расширеніемъ и углубленіемъ читанныхъ профессоромъ курсовъ. Провидѣнію не угодно было, чтобы покойный профессоръ, закончившій преподаваніе нравственнаго богословія въ 1895 году, завершилъ свою работу по обнародованію результатовъ своихъ научныхъ изысканій нравственнымъ богословіемъ, задуманную по любимому и часто примѣнявшемуся покойнымъ концентрическому методу (см. первое прибавленіе къ сочиненію „Изъ системы“; ср. также три курса педагогики, составленные Маркеллиномъ Алексѣевичемъ); работа остановилась на второй ступени концентри, и тѣмъ не менѣе нельзя не преклониться передъ громадностью той работы, которую выполнилъ покойный профессоръ по изученію, преподаванію и печатному изложенію своего „излюбленнаго предмета“ (см. Проток. Совѣта Кіевск. Ак. за 1895—96 ак. годъ, стр. 43), особенно, если принять во вниманіе, что онъ долженъ былъ идти по непроторенному пути, потому что ему пришлось стать на этотъ путь тогда, когда въ соответствующихъ кругахъ русскаго общества родилось сознаніе о необходимости коренной реформы въ постановкѣ нравственнаго бого-

словія (см. Исторія нравств., ч. I, стр. 3). Волей-неволей приходилось обращаться за помощью къ западнымъ моралистамъ, и Маркеллинъ Алексѣевичъ, безъ сомнѣнія, былъ много обязанъ трудамъ такихъ моралистовъ, какъ Роте-Вутке, Лютардтъ, особенно Мартенсенъ и др., но, заимствуя многое у западныхъ моралистовъ, притомъ—съ полною убѣжденностью въ необходимости такихъ заимствованій, Маркеллинъ Алексѣевичъ, во-первыхъ, оставался непоколебимо твердымъ въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, а во-вторыхъ, параллельно съ сочиненіями западныхъ моралистовъ—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—изучалъ, въ интересахъ своей науки, творенія церковныхъ писателей, такъ что его сочиненіе „Изъ системы христіанскаго нравоученія“ богато—по суду такого компетентнаго богослова, какъ проф. Глубоковскій—не только данными изъ исторіи (научной, преимущественно западно-европейской) этики, но и данными патристическими, хотя, впрочемъ, первыя представлены въ сочиненіи полнѣе вторыхъ (см. „Журн. Сов. Спб. Ак.“ за 1904—5 ак. годъ, стр. 72).

Хотя, какъ мы видѣли, упомянутое сочиненіе далеко не совмѣщаетъ въ себѣ *всѣхъ* итоговъ многолѣтней дѣятельности Маркеллина Алексѣевича по изученію нравственнаго богословія (окончательное объединеніе этихъ итоговъ должно бы составить третью, завершительную, ступень въ построеніи системы христіанскаго нравоученія), тѣмъ не менѣе оно, по словамъ самого автора, „содержитъ въ себѣ всѣ нити и указываетъ направленія для построенія полной въ собственномъ смыслѣ и капитальной системы науки и для рѣшенія всѣхъ вопросовъ нравственной жизни,—въ немъ выражено полное міровоззрѣніе и воззрѣніе на человѣческую жизнь“, а потому его можно назвать „почти полною системою морали“ (стр. 4 *курсивъ нашъ*). Такой взглядъ на характеръ своего труда побудилъ автора представить его на соисканіе ученой степени доктора богословія. Мы уже знаемъ,

что соисканіе докторской степени доставило автору въ свое время много волненій и огорченій, но теперь, когда это дѣло отходить въ область исторіи, мы, вникая въ него „остынувшимъ умомъ“, можемъ сказать, что нѣтъ худа безъ добра. Едва ли нужно доказывать, что научно-богословская критика не имѣетъ у насъ широкой и серьезной постановки, вслѣдствіе чего оффиціальныя отзывы о докторскихъ диссертацияхъ представляютъ обыкновенно очень замѣтное явленіе, а часто цѣнный вкладъ въ нашу богословско-критическую литературу, не только представляя основанія для оцѣнки диссертации, но и содѣйствуя дальнѣйшей разработкѣ поставленныхъ и рассматриваемыхъ въ ней вопросовъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Маркеллинъ Алексѣевичъ представилъ въ своемъ сочиненіи опытъ „почти полной системы“ такой науки, которая должна быть признана, по словамъ Н. И. Линицкаго, „труднѣйшей изъ всѣхъ богословскихъ наукъ, требующей и учености и солиднаго философскаго образованія, и вовсе не разработанной у насъ“ въ смыслѣ неустановленности и ея принциповъ, и ея метода. Достаточно указать на то, что за тѣ тридцать лѣтъ, какія Маркеллинъ Алексѣевичъ посвятилъ разработкѣ нравственнаго богословія, появились у насъ всего двѣ болѣе или менѣе оригинальныхъ системы научнаго характера: кромѣ сочиненія Марк. Ал—ча, имѣемъ въ виду „Православно-христіанское ученіе о нравственности“ прот. *І. Л. Янышева* (М. 1887, это—курсъ лекцій, читанныхъ студентамъ Спб. Академіи) и „Начертаніе христіанскаго правоученія“ Епископа *Феофана Затворника*, которое, впрочемъ, не имѣетъ въ виду работы западныхъ моралистовъ по нравственному богословію ¹⁾. (М. 1891. См. объ этихъ системахъ въ статьѣ проф. А. А. Бронзова „Нравственное богословіе въ Россіи

¹⁾ Замѣчательное сочиненіе Влад. С. Соловьева „Оправданіе добра“ носить философскій характеръ.

въ теченіе XIX столѣтія“ —Христ. Чт. за 1901 г.). При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы сочиненіе Маркеллина Алексѣевича дало окончательное и безспорное рѣшеніе вопросовъ о принципахъ христіанской этики и о методахъ ея построенія. Такъ и оказалось на дѣлѣ. Всѣ рецензенты (имѣемъ въ виду авторовъ тѣхъ рецензій, какія появились въ печати) сошлись въ признаніи сочиненія Маркеллина Алексѣевича трудомъ весьма содержательнымъ. „Настоящее сочиненіе,—по словамъ П. И. Линицкаго,—отличается замѣчательною содержательностію, при сжатой формѣ изложенія“ (см. „Извлеч. изъ проток. Сов. Кіев. дух. Акад.“ за 189⁶/₇ уч. г., стр. 336). То же самое повторяетъ и Н. Н. Глубоковский: „сочиненіе,—говоритъ онъ,—отличается замѣчательнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія“: это—„серьезный и полный итогъ развитія въ — области“ христіанскаго правоученія „по всѣмъ вопросамъ—даже частнымъ и второстепеннымъ“ (жур. Сов. Слб. Акад. за 190¹/₆ г., стр. 70). При всемъ томъ оба рецензента, и еще рѣшительнѣе проф. М. Ф. Ястребовъ¹⁾, выступаютъ противъ Маркеллина Алексѣевича съ принципиальными возраженіями. Остановимся на возраженіяхъ, касающихся первой, принципиальной, части системы, излагающей „общее ученіе о христіанской нравственности и нравственной жизни“. Рецензенты находятъ, что она не даетъ яснаго и опредѣленнаго понятія о христіанской нравственности, потому что авторъ полагаетъ въ основу нравственности начала не спеціально-христіанскія (такими началами должны бы быть, по мнѣнію П. И. Линицкаго, христіанскія „понятія о грѣхѣ и смерти (по духу), какъ послѣдствіи грѣха, а съ другой сто-

¹⁾ Только часть рецензій М. Ф. Ястребова, представляющей собою, судя по началу, цѣлое изслѣдованіе, напечатано въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ за 1897 г. (кн. 11) и 1898 г. (кн. 4). Въ интересахъ науки нельзя не пожалѣть, что печатаніе рецензій не было закончено.

роны—о вѣчномъ спасеніи души и о жизни духовной“, а по взгляду Н. Н. Глубоковского, „конкретною руководящею идеей библейско-христіанскаго нравоученія должна быть идея богосыновства, какъ залога, обязанности и задачи для искупленныхъ“), а начала общечеловѣческія (по выраженію П. И. Линицкаго), или гуманитарныя (по выраженію Н. Н. Глубоковского). Такъ, всѣ опредѣленія блага, разсѣяныя въ книгѣ Маркеллина Алексѣевича, можно свести, по словамъ П. И. Линицкаго, къ слѣдующему положенію: „нравственное благо есть не что иное, какъ личная дѣятельность воли, согласная съ нравственнымъ закономъ, каковой законъ содержится въ разумѣ, и осуществляемая въ правильно организованномъ обществѣ“. „Должно сознаться,—прибавляетъ Петръ Ивановичъ,—что во всемъ этомъ собственно христіанскаго пока ничего нѣтъ“ Ту же самую мысль находимъ въ отзывѣ проф. Глубоковского. По его словамъ, Маркеллинъ Алексѣевичъ — „согласно общегуманитарнымъ предпосылкамъ—говоритъ о свойствахъ дѣятельности человѣка, какъ духовно-гѣлеснаго и разумно-свободнаго члена въ обществѣ себя подобнахъ, со стороны отношеній ко внутрь, ко вѣ и кверху, но всѣ эти матеріи,—прибавляетъ Н. Н.,—не имѣютъ сами по себѣ ничего собственно христіанскаго“ (стр. 67). Конечно, Маркеллинъ Алексѣевичъ твердо знаетъ и рѣшительно утверждаетъ существенное различіе между нравственностью естественной и нравственностью христіанской, но это различіе не нашло въ его нравоученіи, по мнѣнію рецензентовъ, должнаго выясненія: Маркеллинъ Алексѣевичъ не столько раскрываетъ „этическое содержаніе Слова Божія“, сколько даетъ „библейское освѣщеніе гуманитарному матеріалу“, обнаруживая, впрочемъ, тѣмъ самымъ „исключительную состоятельность библейско-христіанскаго этического созерцанія при его натуральной цѣлостности и согласованности. Этимъ раскрывается и аргументируется высокое достоинство библейско-христіанскаго нравоученія по безусловной авторитетности

самого первоисточника. Здѣсь книга М. А. Олесницкаго, ограждая этическую несравнимость христіанства, пріобрѣтаетъ для послѣдняго большую апологетическую цѣнность, которая тѣмъ дороже и внушительнѣе, что такой результатъ достигается безъ всякой тенденціозности, а просто дается ходомъ изслѣдованія. Заслуги авора въ этомъ отношеніи достаточны и безспорны. Но отсюда же вытекаетъ и ближайшее примѣненіе, что этика можетъ быть и должна быть построена изъ библейско-христіанскихъ началъ, если они обладаютъ столь высокими преимуществами“ (изъ рецензіи проф. Глубоковскаго). Маркеллинъ Алексѣевичъ, по мнѣнію упомянутыхъ рецензентовъ, не далъ такого построенія¹⁾. П. И. Ливницкій объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ подпалъ, — разумѣется, незамѣтно для себя, — вліянію „протестантскихъ системъ, а выстъ съ тѣмъ и протестантскаго духа“; М. Ф. Ястребовъ опредѣленнѣе говорятъ о вліяніи на русскаго ученаго моралиста идей ричлевскаго богословія. Непосредственное вліяніе Ричля на Маркеллина Алексѣевича не можетъ быть доказано, тѣмъ болѣе, что оно прямо отрицается самимъ Маркеллинъ Алексѣевичемъ (см. „Критику экстраорд. проф. М. Олесницкаго на критику экстраорд. проф. М. Ястребова“), но вообще фактъ вліянія западныхъ, преимущественно протестантскихъ, моралистовъ на покойнаго русскаго моралиста не подлежитъ отрицанію. Другое дѣло — вопросъ о размѣрахъ и значеніи этого вліянія: въ то время, какъ П. И. Ливницкій и особенно М. Ф. Ястребовъ считаютъ это вліяніе роковымъ для системы Маркеллина Алексѣевича, проф. Бронзовъ рѣшительно заявляетъ, что данная система „изложена въ строго-православномъ духѣ“ („Ж. Сиб. Ак.“, стр. 64, подробности на стр. 62—63), — разногласіе весьма знаменательное: оно показываетъ, что взгляды на характеръ православно-хри-

¹⁾ Ср., впрочемъ, рецензію проф. Бронзова.

стіанскаго нравоученія доселѣ еще не установился въ русской богословской литературѣ, а потому и тѣ дефекты, которые отмѣчены въ нравоученіи Маркеллина Алексѣевича тремя рецензентами, нужно отнести не столько на личный счетъ трудолюбивѣйшаго и начитаниѣйшаго автора, сколько на счетъ общаго положенія его излюбленной науки у насъ, на Руси. Въмѣстѣ съ тѣмъ неустанные труды и не малыя скорби, подъятыя и перенесенныя покойнымъ профессоромъ, получаютъ характеръ тѣхъ мукъ, которыми сопровождается процессъ рожденія, въ данномъ случаѣ—рожденія православно-христіанской системы нравоученія, а его „заслуга по отношенію къ прошлому и настоящему прямо переходитъ и на будущее, поелику такія серьезныя обобщающія работы“, какъ докторская диссертация Маркеллина Алексѣевича, „всегда бываютъ опорою и толчкомъ для дальнѣйшаго созиданія, открывая ему желательные просвѣты, возможные пути и пригодныя средства“ (изъ рец. проф. Глубоковского, стр. 73, ср. въ рец. проф. Бронзова заключеніе, стр. 65). Что же касается критической литературы, вызванной докторской диссертацией Маркеллина Алексѣевича, то она, безъ сомнѣнія, значительно облегчитъ трудъ его продолжателей по уясненію принциповъ христіанской правственности и по работѣ системы христіанской этики, раскрывая передъ ними возможность идти двумя путями въ осуществленіе этихъ задачъ—тѣмъ путемъ, которымъ шелъ покойный моралистъ, и тѣмъ, какой намѣчаютъ профф. Липицкій и Глубоковскій. Нельзя, конечно, не признать положеніе продолжателей болѣе выгоднымъ сравнительно съ положеніемъ ихъ предшественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ не отдать должной дани уваженія профессору, имѣвшему энергію и мужество выступить въ печати съ результатами своихъ занятій на академической каюдрѣ. Хотѣлось бы думать, что продолжатели Маркеллина Алексѣевича оценятъ въ полной мѣрѣ заслуги своего неутимимаго предшественника въ дѣлѣ разработки христіанской этики. Мы

же, непосредственные ученики покойного, должны засвидѣтельствовать, что многимъ обязаны своему почившему учителю. Хорошо сказалъ Вл. II. Рыбинскій при его гробѣ, что если бы мы вздумали пересмотрѣть содержаніе нашего умственного багажа, то оказалось бы, что многіе элементы этого багажа принадлежатъ незабвенному Маркеллину Алексѣвичу. О себѣ лично скажу, что едва ли не его лекціямъ по нравственному богословію я обязанъ тѣмъ, что идея царства Божія сдѣлалась центральной идеей моего богословскаго міросозерцанія. Смѣю думать, что этой глубокой и „объемистой“ идеѣ предстоитъ видная будущность въ исторіи русскаго богословія, что признается такимъ строгимъ представителемъ православно-русскаго богословія, какъ проф. Глубоковскій (см. въ его рецензіи стр. 73—74). Само собою разумѣется, что въ раскрытіи этой идеи православно-русскому богослову нѣтъ никакой надобности итти на помочахъ у Ричля.

Десятилѣтняя дѣятельность Маркеллина Алексѣвича по изученію и преподаванію *педагогики* носила—съ формальной стороны—тотъ же характеръ, что и работа въ области этики: начавъ свои занятія изученіемъ и преподаваніемъ *исторіи* педагогики, покойный профессоръ, вѣрный своей привязанности къ концентрическому методу, завершилъ ихъ изданіемъ систематическаго курса педагогики въ трехъ видахъ, представляющихъ собою три постепенно расширяющихся и углубляющихся концентрическихъ круговъ. И здѣсь нужно замѣтить, что полный „Курсъ педагогики“, изданный въ 1885—1887 гг., не представляетъ собою простаго воспроизведенія академическихъ лекцій, которыя, по обычаю, отличались отъ печатнаго курса большею научностью и—равномѣрно—большею тяжеловѣсностью. Въ частности, въ лекціяхъ Маркеллина Алексѣвича по педагогикѣ научно-психологическій элементъ былъ представленъ въ большемъ объемѣ, нежели въ его печатномъ курсѣ. Впослѣдствіи, когда Маркеллинъ Але-

ксѣвичъ, подъ давленіемъ подозрительнаго отношенія къ его академическому курсу нравственнаго богословія со стороны покойнаго митрополита Іоанникія, задумалъ, къ глубокому сожалѣнію лицъ, цѣнившихъ его дѣятельность по разработкѣ его „излюбленнаго предмета“—этики (см. „особое мнѣніе“ П. И. Линицкаго въ „Проток. Сов. Кіевск. Дух. Акад.“ за 1895/6 г., стр. 43--45, и „Нравств. богосл. въ Россіи въ теченіе XIX ст.“ А. А. Бронзова въ „Христ. Чт.“ за 1901 г., т. ССХІІ, ч. 1, стр. 730), перейти съ этой кафедры на кафедру психологіи, онъ официально ссылаясь при этомъ на то, что „достаточно познакомился съ этимъ предметомъ, когда преподавалъ сродную съ нимъ науку педагогики“ (см. цит. „Проток.“, стр. 42). Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ право сдѣлать такую ссылку.

Съ декабря 1895-го года и до кончины Маркеллина Алексѣвичъ преподавалъ въ Академіи психологію. Такъ какъ покойный профессоръ не успѣлъ оставить печатныхъ трудовъ по этому предмету, то мы для ознакомленія съ построеніемъ и содержаніемъ читаннаго имъ курса психологіи воспользуемся конспективною записью студента LX академическаго курса *Гр. Попова*, прослушавшаго у Маркеллина Алексѣвича курсъ лекцій по психологіи въ 1903/4 акад. году.

Курсъ этотъ, помимо *введенія* въ науку, состоялъ изъ двухъ гласныхъ частей: изъ ученія объ *умѣ* и изъ ученія о *сердцѣ*.

Во введеніи устанавливается предметъ и задача психологіи, а также опредѣляются ея источники и методъ. *Задачу* психологіи, скрывающей въ себѣ корни всѣхъ философскихъ наукъ, составляетъ, по взгляду проф. М. А. Олесницкаго, не выясненіе существа души по началамъ того или другого метафизическаго принципа, а изслѣдованіе душевныхъ явленій, изысканіе ихъ законовъ, объясненіе, при помощи послѣднихъ, общихъ психическихъ явленій, лежащихъ въ основѣ индиви-

дуальныхъ различій. Слѣдовательно, психологія—наука не метафизическая, а эмпирическая. Источниками для познанія душевныхъ явленій являются самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими людьми, вспомошествоемая фізіологіей, а наиболѣе подходящимъ и плодотворнымъ методомъ—методъ *генетическій*, воспроизводящій генесисъ душевной жизни человѣка. Въ соотвѣтствіи съ требованіями генетическаго метода Маркеллинъ Алексѣевичъ начинаетъ изложеніе психологіи ума съ низшихъ отиравленій ума, къ которымъ относятся прежде всего оцущенія, или перцепціи, представляющія собою возбужденное состояніе души, вызванное раздраженіемъ нервной системы. Первую ступень въ ряду оцущеній занимаютъ оцущенія общаго чувства, или *органическія*, обусловливающіеся различными состояніями тѣлесныхъ системъ (движенія, питанія, половой и т. д.), вторую—оцущенія вѣншихъ чувствъ, или *органныя*. Для того, чтобы органныя оцущенія завладѣли сознаніемъ человѣка, необходимо выдѣленіе частныхъ оцущеній изъ общаго чувства, т. е. того состоянія, которое соотвѣтствуетъ многимъ нервнымъ раздраженіямъ и не привязано къ опредѣленнымъ частямъ тѣла: это—слегка окрашенный фонъ, на которомъ выдѣляются опредѣленные психическія состоянія. Покойный профессоръ давалъ въ своихъ лекціяхъ подробное обзорѣніе органическихъ оцущеній, въ широкомъ объемѣ пользуясь данными и выводами экспериментальной психологіи. Въсѣмъ за обзорѣніемъ того, что дается вѣншими чувствами, должны быть указаны законы, опредѣляющіе собою теченіе слѣдовъ, которые остаются въ душѣ послѣ нервныхъ раздраженій въ органахъ чувствъ, или—что то же—законъ образованія представленій, при чемъ представленія нельзя понимать ни въ видѣ сформированныхъ послѣ оцущеній содержаній (старая психологія), ни въ видѣ самостоятельныхъ силъ (Гербартъ), ни въ видѣ только образовъ представляющихъ собою лишь ослабленные копіи впечатлѣній (Юмъ) это—родившіяся въ душѣ расположенности сохранять и

воспроизводить ту дѣятельность, которой душа занималась раньше. Законы образованія представленій слѣдующіе: а) законъ слитія однородныхъ представленій, б) законъ несовмѣстимости представленій, имѣющихъ различное содержаніе, в) законъ потемнѣнія представленій и г) законъ ослабленія ихъ другъ другомъ. Этими законами обусловливается ассоціація представленій. При дѣйстви указанныхъ законовъ имѣетъ важное значеніе работа первовъ, которая, обусловливая собою обогащеніе души сложнымъ содержаніемъ, вліяетъ затѣмъ и на репродукцію представленій. Несовершенство воспріятія, недостаточно частая репродукція, взаимное вытѣсненіе изъ сознанія различныхъ представленій—все это влечетъ за собою забвеніе представленій, такъ что душа не можетъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что дается внѣшними чувствами. Тѣмъ не менѣе остающагося матеріала вполне достаточно для образованія *чувственного воззрѣнія*, или чувственного созерцанія, которое состоитъ изъ представленій а) о пространствѣ и б) о вещи, обладающей многими признаками. Происхожденіе *представленія о пространствѣ* обусловливается—съ одной стороны—устройствомъ слѣтчатки глаза, которая препятствуетъ совершенному сліянію одновременно воспринимаемыхъ различными нитями зрительныхъ впечатлѣній, съ другой—природою сознанія, которая противится одновременному воспріятію разнообразнаго матеріала, въ силу чего и происходитъ то, что мы должны располагать зрительный матеріалъ другъ подлѣ друга, т. е. пространственно. *Представленія о вещахъ, обладающихъ личными признаками*, не даются намъ одновременно, а только представляются намъ одновременными, при чемъ представленіе, составленное посредствомъ зрѣнія, становится для всѣхъ остальныхъ представленій, съ которыми оно входитъ въ связь и которыя составлены при помощи другихъ чувствъ, центромъ, собирающимъ около себя другія представленія, такъ что, значить, элементы цѣлостнаго представленія являются не равноправными. Дальше въ курсѣ Маркеллина Алексѣевича раз-

смаatrивалось образованіе представлений о формахъ предметовъ, движеніи и покоѣ, ихъ разстояніи и т. д., причеиъ проводилась та мысль, что ни того, ни другого, ни третьяго мы не воспринимаеиъ непосредственно: въ образованіи этого рода представлений имѣетъ важное значеніе процессъ *умозаключенія*.

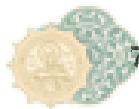
Чувственная сторона челоиъческой природы, посредствомъ которой челоиъку открывается внѣшній міръ и дается возможность воздействовать на этотъ міръ, обща у челоиъка съ животными. Для большей части низшихъ отправленій ума нѣтъ недостатка въ аналогіяхъ у животныхъ. Отличительною принадлежностью челоиъка является мышленіе, направленное (въ этомъ его сущность) не на воспріятіе фактически даннаго матеріала, а на отысканіе общегондой связи между фактами, которая обусловливается содержаніеиъ послѣднихъ. Со времени Капта говорятъ иногда о „чистомъ“ мышленіи. Съ *психологической* точки зрѣнія чистаго мышленія нѣтъ: развитіе понятій совершается на чувственномъ матеріалѣ; самое отвлеченное мышленіе нуждается въ чувственно-данномъ матеріалѣ для своего подкрѣпленія и ориентированія, если оно не хочетъ сдѣлаться совершенно пустымъ. Первое подтверждается наблюденіями надъ глухонѣмыми и слѣпорожденными: недостатокъ чувственнаго матеріала препятствуетъ имъ въ успѣшной выработкѣ понятій, первому—о такихъ явленіяхъ, которыя, вслѣдствіе своей текучести, требуютъ для своего усвоенія фиксаціи посредствомъ языка, второму—о пространствѣ и связанныхъ съ нимъ явленіяхъ. А что мышленіе постоянно нуждается въ подкрѣпленіи чувственнымъ воззрѣніеиъ, это доказыается тѣмъ, что различеніе и отождествленіе легко производятся лишь въ томъ случаѣ, если есть на лицо соответствующіе пространственные объекты: ихъ наличностью обусловливается ясное мышленіе. Самое мышленіе состоитъ въ установленіи связей между представленіями по содержанію. Средствомъ для этого является *сужденіе*, въ которомъ одно представле-

ніе опредѣляется другимъ. Происхожденіе этого взаимоопредѣленія представленій обуславливается аншерицепированіемъ cadaго новаго представленія готовымъ отвлеченнымъ представленіемъ, къ области котораго оно относится. Если чувственное наблюденіе содержится въ отвлеченномъ представленіи, такъ что въ стремленіи къ соединенію съ нимъ встрѣчается незначительное препятствіе къ этому, то въ этихъ случаяхъ происходитъ особый рядъ сужденія черезъ *подведеніе*. Если при подведеніи устанавливается согласіе частнаго представленія съ отвлеченнымъ, хотя и не происходитъ полнаго сліянія перваго съ послѣднимъ, то въ сужденіяхъ *индивидуальныхъ* выражается особенность подлежащаго наблюденію въ ряду другихъ наблюденій того же рода. Сужденія *отрицательныя* представляютъ собою не что иное, какъ неудавшееся подведеніе частнаго подъ отвлеченное представленіе: они выражаютъ то, что въ данномъ случаѣ не можетъ произойти ни полнаго (какъ при подведеніи), ни частичнаго сліянія (какъ въ индивидуальныхъ сужденіяхъ положительнаго характера). Если въ этихъ послѣднихъ сказуемое выражаетъ свойство, не содержащееся въ отвлеченномъ представленіи, или, по крайней мѣрѣ, не допустимое а priori (напр., этотъ человѣкъ имѣетъ курчавые волосы), то отрицательное сужденіе обозначаетъ такое свойство, которое не содержится непосредственно ни въ надлежащемъ, ни въ стоящемъ выше его отвлеченномъ представленіи (напр., этотъ человѣкъ—безъ руки). Тѣ же законы сліянія и различенія, которые лежатъ въ основѣ сужденій, обуславливаютъ дальѣйшую работу мышленія въ *умозаключеніяхъ*, при помощи которыхъ уясняются основанія прежнихъ сужденій и образуются новыя сужденія. Общій результатъ сужденій и умозаключеній состоитъ въ томъ, что мы переступаемъ предѣлы ассоціаціи представленій и достигаемъ соединенія послѣднихъ по средству ихъ содержанія. Послѣднимъ, возглавляющимъ всю умственную дѣятельность явленіемъ слѣдуетъ

считать *идеи*: это—тѣ представленія, которыя помогаютъ значительнымъ областямъ мыслей достигнуть законченности, цѣльности; таковы, съ одной стороны, идеи пространства, времени, числа, причины, съ другой—истины, добра, красоты. Заканчивается отдѣлъ изложеніемъ психологическаго ученія о разсудкѣ и разумѣ, вниманіи, сознаніи и самосознаніи.

Область явленій *сердца* въ широкомъ смыслѣ этого слова (въ какомъ говорится о немъ въ Св. Писаніи, а также въ обыденной жизни, когда сердце противоблагается уму) обнимаетъ душевныя явленія, на которыя мы смотримъ всецѣло, какъ на наши собственныя, субъективныя состоянія. Если умъ стремится, посредствомъ ви́шняго воспріятія и мышленія, постигнуть вещи въ ихъ существѣ и связи, то сердце само по себѣ ничего не знаетъ о предметахъ: оно живетъ всецѣло въ себѣ. Область сердца распадается, въ свою очередь, на а) чувствованія и б) желанія. Обѣ эти группы подвергались подробному анализу, при чемъ выяснялась та мысль, что происхожденіе *чувствованій* обусловливается ощущеніями и представленіями, а *желаніе* возникаетъ тогда, когда область душевныхъ представленій достигаетъ нѣкотораго образования: оно основывается на болѣе или менѣе ясномъ представленіи предмета, съ которымъ соединяется пріятное или непріятное чувство. Какъ видимъ, интеллектуалистическій элементъ выдвигается здѣсь довольно настойчиво.

Таковъ былъ *основной* составъ курса психологіи, читаннаго покойнымъ профессоромъ въ 1903—04 году ак. году. Къ основному составу курса присоединялось подробное изложеніе слѣдующихъ матерій: а) гипнотизмъ и внушеніе, б) сравнительная психологія, в) психологія человѣческаго общества, г) исторія психологіи. Эти отдѣлы, отличавшіеся свѣжестью матеріала, слушались студентами съ особеннымъ интересомъ. Вообще нужно сказать, что студенты относились къ нелегкимъ для усвоенія лекціямъ покойнаго профес-

сора съ большимъ вниманіемъ, а къ его личности съ неизмѣннымъ уваженіемъ и глубокими симпатіями, которыя нашли свое выраженіе въ живой радости, съ какою студенты встрѣтили возведеніе своего профессора въ степень доктора богословія, и въ неподдѣльной скорби, съ какою они провожали его въ преждевременную могилу.

Научно-литературная дѣятельность Маркеллина Алексѣевича стоитъ въ тѣсной связи съ его профессорской дѣятельностью. Не имѣя возможности входить здѣсь въ оцѣнку его литературныхъ трудовъ, даемъ ихъ перечень по группамъ соотвѣтственно ихъ содержанію.

1. *Книга Екклесіастъ*. Опытъ критико-экзегетическаго изслѣдованія. Магист. диссертация. Кіевъ, 1873 г. Стр. 596 (первоначально въ „Трудахъ Академіи“).

2. *Исторія нравственности и нравственныхъ учений*. Ч. I. А. Введеніе въ курсъ этики: научная постановка этики. В. Введеніе въ исторію нравственности и нравственныхъ учений: идея развитія и факторы исторіи; принципъ исторіи; цѣль исторіи. С. Исторія нравственности и нравственныхъ учений: генезисъ нравственности; дикіе народы. Кіевъ, 1882 г., стр. 428. Ч. II. Восточные народы. Кіевъ, 1886 г., стр. 266 (первоначально въ „Трудахъ Академіи“).

3. *Нравственный прогрессъ*. Актовая рѣчь. Стр. 34. Кіевъ, 1884 г. (также въ „Трудахъ Академіи“ и въ „Проповѣдническомъ Листкѣ“). Выдержала два изданія.

4. *Нравственное богословіе* или христіанское ученіе о нравственности. Составлено примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій. Стр. 289. Кіевъ, 1892 г. Выдержало три изданія.

5. *Изъ системы христіанскаго нравоученія*. Стр. 487. Кіевъ, 1896 г. Въ томъ же году, съ нѣкоторыми измѣненіями и перестановками, издано во второй разъ и въ такомъ видѣ представлено на соисканіе степени доктора богословія.

6. *Критика* экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго на *критику* экстраординарнаго профессора М. Ястребова. Стр. 37. Киевъ, 1899 г. Въ концѣ брошюры обѣщано продолженіе, но продолженіе не послѣдовало.

7. *О нравственности древняго греческаго народа* (Труды Академіи, 1904 г., стр. 190—248),—трактатъ, являющійся продолженіемъ 2-ой части „Исторіи нравственности“.

8. *Курсъ педагогики*. Руководство для женскихъ институтовъ и гимназій, для высшихъ курсовъ и для всѣхъ занимающихся воспитаніемъ дѣтей. Вып. I: теорія воспитанія Стр. 334. Киевъ, 1885 г. Вып. II: теорія обученія. Стр. 280. Киевъ, 1887 г. Курсъ посвященъ „воспитанницамъ старшихъ классовъ институтовъ и гимназій“.

9. *Краткій курсъ педагогики*. Руководство для женскихъ институтовъ и гимназій съ двухъ годовымъ курсомъ педагогики. Вып. 1—2. Киевъ, 1895—1896 гг.

10. То же. Для учебныхъ заведеній съ годовымъ курсомъ педагогики. Киевъ, 1887 г.

11. *Слова, сказанныя на пассіяхъ*. Намъ извѣстны два слова, изъ коихъ каждое представляетъ цѣлый богословскій трактатъ: одно—о любви Божіей къ намъ, выразившейся въ страданіяхъ Спасителя, и о любви, какъ началъ нашей жизни, другое—о сущности и значеніи религіи (напечатаны въ „Трудахъ Академіи“).

12. Наконецъ, Маркеллинъ Алексѣевичъ въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ (съ 1882 года и до самой смерти) издавалъ „*Проповѣдническій Листокъ*“—ежемесячное изданіе, предназначенное для священниковъ, въ которомъ помѣщались проповѣди, составленныя главнымъ образомъ самимъ редакторомъ-издателемъ. Всего имъ здѣсь написано около 200 печатныхъ листовъ: это, по словамъ проф. Глубоковского, „исключительный по качествамъ и по размѣрамъ подвигъ“, достойный „глубокаго почтенія“ (см. лит. Журн. Сиб.

Ак., стр. 72—73). Въ проповѣдяхъ, составленныхъ самимъ Маркеллиномъ Алексѣвичемъ, замѣтно преобладаніе нравственно-психологическаго элемента. Изложеніе по большей части схематическое. Священники, привыкшіе свободно пользоваться печатнымъ пособіемъ и не лѣнившіеся восполнять печатную схему живыми красками, взятыми изъ области своихъ настырскихъ наблюденій, находили въ „Проповѣдническомъ Листкѣ“ сподручное пособіе для своей проповѣднической дѣятельности, въ частности, для проповѣднической „импровизаціи“.

Въ одномъ изъ псалмовъ сказано: „въ той день (разумѣется день смерти) отыдутъ вся *помысленія* его“. Истина этихъ печальныхъ словъ въ полной мѣрѣ исполнилась на Маркеллинѣ Алексѣвичѣ: перо выпало изъ его рукъ прежде, чѣмъ онъ довелъ до конца осуществленіе своихъ научно-литературныхъ замысловъ, а замыслы были широки и интересны. „Издавая настоящее сочиненіе,— писалъ онъ въ первомъ прибавленіи къ книгѣ „Изъ системы христіанскаго правоученія“,—мы не считаемъ работъ своихъ по правоученію законченными. За симъ вторымъ опытомъ“ (первый опытъ—учебникъ по нравственному богословію) „долженъ слѣдовать третій опытъ, и уже многотомный. Въ этомъ третьемъ опытѣ долженъ быть тщательно разработанъ и изложенъ, между прочимъ, историческій элементъ, въ особенности же должно быть обстоятельнѣйшимъ образомъ рассмотрѣно и изложено ученіе отцевъ и учителей церкви и нравственности“. Смерть помѣшала осуществленію широко задуманнаго плана. Возможно, что трудолюбивымъ авторомъ уже сдѣлано нѣчто въ этомъ направленіи. Къ сожалѣнію, горькій опытъ минувшихъ лѣтъ даетъ мало надежды на то, чтобы научно-литературныя труды покойнаго профессора увидали свѣтъ: на это у насъ обыкновенно не находится денегъ. Всѣмъ извѣстна высокая научная цѣнность лекцій по исторіи церкви, читанныхъ покойнымъ профессоромъ В. В. Болотовымъ въ Спб.

духовной Академіи (см. объ этомъ, напр., въ трактатѣ проф. А. А. Спасскаго „Обращеніе Константина В. въ христіанство“); многіе выражали желаніе видѣть его лекціи въ печати; въ первые годы по кончинѣ знаменитаго историка собрано нѣсколько сотъ рублей на этотъ предметъ. Однако со дня его смерти прошло уже пять лѣтъ, а лекціи еще не напечатаны. Когда мы ихъ увидимъ въ печати, да и увидимъ ли—одному Богу извѣстно! Такова у насъ обычная судьба рукописнаго наслѣдія, остающагося послѣ смерти нашихъ ученыхъ богослововъ.

Судя по вѣншнему виду, Маркеллинъ Алексѣевичъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, но самъ онъ своего здоровья не считалъ прочнымъ: вѣроятно, порокъ сердца, гнѣздившійся въ его, повидимому, крѣпкомъ организмѣ, давалъ о себѣ знать. Въ теченіе всего февраля онъ читалъ лекціи (послѣдняя лекція прочитана имъ 22-го февр.), но въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста отъ него получена собственноручная записка съ извѣщеніемъ, что цѣлый рядъ болѣзней, найденныхъ у него докторомъ, вынуждаетъ его, къ сожалѣнію, сидѣть дома. Никто не думалъ, что болѣзнь такъ скоро приведетъ къ роковому исходу. Повидимому, не ожидалъ этого и самъ Маркеллинъ Алексѣевичъ. Онъ все время держался на ногахъ; въ субботу, 12-го марта, ходилъ къ доктору; возвратившись, послалъ за лѣкарствомъ; когда посланный возвратился, то онъ засталъ больного уже въ постели, а когда на другой день, въ воскресенье, вошли въ его кабинетъ, тамъ нашли уже окоченѣвшій трупъ. По заключенію врача, Маркеллинъ Алексѣевичъ скончался наканунѣ отъ припадка сердечной жабы.

Въ понедѣльникъ, 14-го марта, въ 4 часа пополудни, совершенно было Преосвященнымъ Платономъ, Ректоромъ Академіи, въ сослуженіи академическаго духовенства и въ

сопровожденіи родныхъ, сослуживцевъ и учениковъ почившаго, перенесеніе гроба съ его останками изъ дома въ Св.-Духовскую церковь Братскаго монастыря, а на другой день, послѣ перенесенія гроба въ Великую церковь, Преосвященнымъ Ректоромъ совершена была литургія и слѣдомъ за нею отпѣваніе почившаго профессора. Въ отпѣваніи приняли молитвенное участіе ученики почившаго изъ городского духовенства. За литургіей, во время причащенія священнослужителей, сказано слово студентомъ 4-го курса Ал. Чекановскимъ, передъ отпѣваніемъ произнесена рѣчь проф. Д. И. Богдашевскимъ, во время самого отпѣванія произнесены рѣчи и. д. доцента П. П. Кудрявцевымъ, проф. Вл. П. Рыбинскимъ, студ. 2-го курса Ив. Тріодинимъ, студ. 1-го курса Фетисовымъ и студ. 3-го курса В. Чернявскимъ. Рѣчь послѣдняго, произнесенная *ex improviso*, осталась не записанной. Послѣ отпѣванія гробъ съ останками почившаго былъ вынесенъ изъ церкви на рукахъ профессоровъ и студентовъ и установленъ на катафалкъ. На гробъ возложенъ студентами металлическій вѣнокъ съ надписью: „Знаю дѣла твои, и трудъ твой, и терпѣніе твое“. Затѣмъ шествіе, въ сопровожденіи Преосвященнаго Платона, направилось на новое Байково кладбище, находящееся, по отношенію къ Братскому монастырю, на противоположномъ концѣ города. Былъ уже четвертый часъ пополудни, когда гробъ съ останками почившаго профессора опускали въ могилу. Весеннее солнце привѣтливо свѣтило съ голубого неба. „Не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорило оно, о великомъ спокойствіи равнодушной природы; оно говорило также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“...

П. Кудрявцевъ.